

ISSN 1814 - 6961

ОТАН ТАРИХЫ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

**Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2017, № 3 (79)**

3 /2017

ISSN 1814-6961

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым Комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Бас редакторы:

Зиябек Қабылдинов

Редакциялық алқа:

Р. Абдуллаев (Өзбекстан), Н. Аблажей (Ресей), Б. Аяған, М. Әбусейітова,
С. Әжіғали, Н. Әлімбай, Б. Байтанаев, Қ. Жұмағұлов, Ғ. Кенжебаев, Б. Көмеков, Мансура-
Хайдар (Үндістан), Р. Масов (Тәжікстан), Ә. Мұқтар, В. Плоских (Қырғызстан), Ю.
Петров (Ресей), О. Смағұлов, Сон Ен Хун (Оңтүстік Корея), Е. Сыдықов, У. Фиерман
(АҚШ), А. Чубарьян (Ресей)

Жауапты редактор:

З. Төлєнова

Редактор:

Р. Көбеев

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ.,
Шевченко көшесі, 28,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
«Отан тарихы»
журналының редакциясы
Телефон: 272-68-46
E-mail: kazhistory@bk.ru
Электрондық мекен-жай:
www.iie.kz

Журнал Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде 1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**Мазмұны
Содержание
Contents**

**Тарих теориясы
Теория истории
Theory of History**

З.Е. КАБУЛЬДИНОВ

Об усилении миссионерской политики царизма
в Казахстане в 80-е годы XIX века.....5

К. УСКЕНБАЙ

Некоторые вопросы истории изучения проблем эволюции
власти в Ак-Орде (Восточном Дашт-и Кыпчаке)
в XIII – начале XV века.....16

**Тарих толқынында
В потоке истории
In the Stream of History**

Б.С. БОРАНБАЕВА

Бөкей губерниясындағы ашаршылық (1920-1922 жж.).....22

А.С. ЖАНБОСИНОВА, Е. КОЗАЧЕНКО

«Живыеголоса»истории Усть-Каменогорска.....29

**Тарихнама және деректану
Историография и источниковедение
Historiography and Source Studies**

Н.Н. ҚҰРМАНАЛИНА

Тәуелсіз Қазақстандағы қазақ-жоңғар күресінің зерттелу мәселелері.....37

А.Ш. БИМЕНДИЕВ

Геральдические символы кочевой элиты:
источниковедческий и идеологический аспекты.....52

**Этнология, археология және ескерткіштану, музейтану
Этнология, археология и памятниковедение, музееведение
Ethnology, Archaeology, Monument Studies, and Museology**

Т. БОЛСЫНБЕК

Жиде ағашы және оның қазақы тұрмыста алатын орны.....64

Г.С. ДЖУМАБЕКОВА, Г.А. БАЗАРБАЕВА

Ороли металлического сосуда – казана в казахской культуре.....70

Т.Н. ЛОШАКОВА

Токсанбай коньсындағы үй салу дәстүрлерінің мәдени
тиістілігі мәселелері.....80

Ж. ҚҰРМАНҚҰЛОВ, Ж. УТУБАЕВ

Некоторые итоги исследования на городище Чирик Рабат.....90

**Тарих және тұлға
История и личность
History and Person**

Ұ. АХМЕТОВА

Қаражігіт Бектауұлының қоғамдық-саяси қызметі (1752-1835 жж.).....101

**«Алаш» қозғалысына 100 жыл
100-летие движения «Алаш»
100th Anniversary of the ‘Alash’ Movement**

Р.Ж. БАЙДАЛЫ, М.Ж. БЕКМАҒАМБЕТОВА

Айдархан Турлыбаев – деятель алашского движения.....112

**Тарих және тарихшы
История и историк
History and Historian**

Д.С. БАЙГУНАКОВ, Г.Е. САБДЕНОВА

Есмағамбетов К. Л. – кәсіби тарихшы.....121

А. АХМЕТ

Тарихтың зерделізгері.....129

**Жас ғалымдар зерттеулері
Исследования молодых ученых
Researches of Young Scholars**

Ы.Қ. ОМАРБАЕВ

1960-1980 жж. Қазақстан қоғамының мәселелеріндегі
паспорттық жүйенің көрінісі: қылмыс, шетелге бару және т.б.....136

Р.Е. ОРАЗОВ

Сыздық Сұлтанның Бұқар хандығындағы орыс
отаршылдарымен жүргізілген соғыстары.....147

Ж. УТУБАЕВ, М. СУЮНДИКОВА

Бұланды (Баланды) кешенінен табылған антропоморфты
және зооморфты мүсіншелер.....164

В ходе написания статьи были использованы материалы известных ученых М. Кашгари, А. Маргулана, Х. Аргынбаева, А. Тажимуратова, Н. Ондасынова, А. Кайдара, а также изданы в 1913-1926 годах материалы: географические описание по Туркестанскому краю; Переселенческого управления; исследования почвенно-ботанического отряда казахстанской экспедиции Академии наук СССР. Немаловажное значение уделено информации о растении, полученной у местных жителей, в том числе и о его лечебных свойствах.

Ключевые слова: джида, остроконая джидда, туркменская джида, нанжиде, джида-талкан (мучная джида), джида-курт, «күранды ер» (составное седло), «қамшысап» (рукоять от камчи), қос (жилье, полевой стан), тоған (плотина).

T. Bolsynbek¹

¹Head of the Center for Anthropology and Ethnology
Of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan

ZHIDDANTREE AND ITS PLACE IN THE LIFE OF THE KAZAKHS

Summary

In the article the distribution area of the arboreal and shrub plant «jiddah» in the territory of Kazakhstan and, associated with it, its various names are disclosed. In addition, the ways of using the zhiddah (narrow-leaved plant) and its fruits in the household activities are considered.

During the writing of the article, the materials of well-known scientists as M. Kashgari, A. Margulan, Kh. Argynbayev, A. Tazhimuratov, N. Ondasynov, A. Kaidar, as well posted in 1913-1926 years information: geographic descriptions about Turkestan region; Resettlement administration; as materials of the soil-botanical detachment of the Kazakhstani expedition of the USSR Academy of Sciences carried out were used. Important information about the plant taken from local residents, including its medicinal properties is also given.

Key words: zhiddah, pointed zhiddah, Turkmen zhiddah, nanzhide, zhiddah-talkan (flour zhiddah), zhiddah-kurt, «kurandyer» (compound saddle), «kamshysap» (whip handle), kos (housing, field camp), toğan (dam).

УДК 902/903.15

Г.С. Джумабекова¹, Базарбаева Г.А.¹

¹Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Ведущие научные сотрудники
г. Алматы, Казахстан

О РОЛИ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СОСУДА – КАЗАНА В КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ*

Аннотация

Статья посвящена изучению роли казана в культуре казахов сквозь призму археологических данных, этнографических сведений, фольклора. Металлический сосуд выполнял роль атрибута, объединяющего казахскую семью. Большинство котлов раннего железного века обнаружено при случайных обстоятельствах либо в курганах. В среде населения раннего железного века, средневековья, Нового времени, объединяемого сходством хозяйственно-культурного типа, казан имел большое значение. Сакральное восприятие казана в казахской культуре отразилось в топонимике, фольклоре. Любопытные сведения о роли котла в культуре казахов отложились в исследованиях плеяды выдающихся ученых – В.В. Радлова, Ч.Ч. Валиханова,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (проекты №№ 2987/ГФ4; 2978/ГФ4)

Г.Н. Потанина. Металлический сосуд неразрывно связан с такими понятиями, как «очаг», «отцовский очаг»; выступал символом освоенного пространства, являлся сакральным центром жилища. Роль котла, прослеживаемая в казахском фольклоре, а также по данным этнографии других тюркских народов, свидетельствует о глубинном значении этой категории предметов, сохранявшемся на протяжении тысячелетий – от эпохи раннего железа до Нового времени.

Ключевые слова: казан (котел), ранний железный век, Новое время, кочевники, казахи, археологические данные, фольклор, данные этнографии, очаг, жилище.

Об особом отношении казахов к металлическому сосуду – казану (котлу) свидетельствует хотя бы то, что данный термин увековечен в географических названиях местностей. Так, например, в пределах одного Аулиекольского района Костанайской области со словом «казан» известно два топонима «Казанбасы» (Қазанбасы) и «пески Казанбасы» (Қазанбасы құмы). Если задаться целью и посчитать все географические пункты с корнем «казан», то таковых наберется довольно солидное число. Например, в статье Р.Ж. Байдалы насчитывается 19 топонимов [1]. Попробуем понять почему в казахской культуре казан играл одну из важнейших ролей.

Казан как часть кочевой культуры приобрел свое значение в эпоху древних кочевников. Он имел не только материальное значение, не только как часть материальной культуры, но и символическое, выступал как предметный символ, культовый атрибут.

Роли котла в обыденной и ритуальной жизни ранних кочевников свидетельствуют археологические находки, в том числе условия обнаружения металлических котлов. Следы ритуальных действий, размеры котлов и т. д. «говорят» об их «особой» роли в жизни кочевника.

Обычно упоминают легендарный медный сосуд царя Арианта [2, 52, 66]. Геродот свидетельствует, что котел выступает как символ единства племени и его сакральный центр. Другой распространенный пример объединяющего сосуда – волшебный сосуд Нартамонга, подтверждающий доблесть воина [3, с. 174-181]. Здесь говорится об особой роли ритуального напитка, объединяющей роли сосуда, функции индикатора истинного героя. То, что владели им сообща, возможно, свидетельствует о его ценности, о его объединяющем начале [4, с. 272-273]. Этот большой сосуд синонимичен котлу или другим сосудам, известным по ритуальной практике скифов, древних тюрков. Сами ежегодные пиршества, упомянутые Геродотом, говорят не только о роли военных предводителей, вождей, но и о значении пиров в древнем обществе как «важнейшего религиозного культового акта общественной и частной жизни» [5, с. 170].

Так, в культуре кочевников скифской эпохи металлические котлы выступают как социальные индикаторы. Памятники, где были обнаружены котлы, объединяются наличием престижных для кочевников предметов [6; 7; 8]. Исследователи выявили, что параметры котлов и число курганов в могильнике, число курганных групп и котлов в доминирующем кургане, величина скифского социума и размеры объединяющего этот социум котла находятся в прямой зависимости друг от друга. Часто курганы, содержащие в составе предметного комплекса металлические котлы, являются доминирующими в могильнике [6, с. 185]. Котлы – не только символы социума, но сакральные предметы скифов, где были погребены представители высокого ранга.

Котел как один из символов власти связан с другими статусными предметами и с личностью вождя. Одной из обязанностей вождя, лидера являлось подтверждение, поддержка своего статуса. В числе таких действий были зрелищный поединок, роскошный престижный пир с распределением добычи. Пир был призван объединять группу людей вокруг лидера [9]. Эти трапезы с участием мужчин-воинов имели сакральный характер, и война и пир приобретали сакральный характер [10, с. 144-145; 11]. Котел – один из тех ритуальных, священных символов, необходимых атрибутов, которые характерны для воинской кочевой среды.

В скифской культуре, судя по письменным источникам, номархи «вели счет успехам и неудачам каждого скифского воина» [12, с. 198]. Они устраивали престижные пиры, имеющие чисто воинский характер. Котел в этих действиях играл не только практическую, но и выполнял символическую роль. Выдающиеся воины, дружинники, приобщенные за свои военные успехи к большому царскому котлу,

имели свои меньшие котлы как символ удачи, богатства и, вероятно, предназначенные для более мелких воинских подразделений.

Предположение о металлических котлах как символах, индикаторах высокого социального ранга подтверждают находки металлических котлов в среднесарматское и позднесарматское время, которые совпадают с локализацией наиболее богатых сарматских курганов.

Эта символика котла как выражение могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения сохранялась на протяжении веков. Так, в культуре средневековых кочевников М.Л. Швецову удалось выявить взаимосвязь казанов с погребальным обрядом. Установлено, что котлы в погребениях представляют одну из частей погребального ритуала. Котел в погребениях богатого и влиятельного воина выступал как признак кормильца и главы рода, племени. Казаны, как и боевые наборные пояса, это атрибуты родовой и племенной аристократии [13].

В целом погребения с котлом могли принадлежать родоплеменным вождям, главам семейств, которые осуществляли хозяйственные и политические функции, а возможно, сакральные. Погребения мужчин с котлом и гривной принадлежали родоплеменным вождям, в обязанности которых входили хозяйственные, политические, военные функции. Котел и гривны выполняли в этом случае роль маркеров представителей знати [14].

Котел, который в культуре древних кочевников являлся символом благополучия и достатка, сохранил символическую роль в жизни казахов. Жертвоприношение, имеющее в традиционной культуре в основном кулинарный код, универсально. Какова бы ни была форма отправления жертвы, ритуал часто совершался у алтаря или очага, происходило приготовление мяса жертвенных животных в котлах; произносились слова молитвы. Так, в дни празднования Наурыза наиболее существенным элементом праздника было приготовление обрядового кушанья (наурыз коже). Конечно, его варили в больших котлах. После еды читалась короткая молитва, завершавшаяся фразой: «Пусть достигнет это угощение Деда-земледедца и духов предков». Жертвоприношение при пуске воды в канал совершали животным. Закалывали быка так, чтобы кровь стекала прямо в воду. Здесь же варили мясо, у начала головного арыка [15, с. 264].

Жертвоприношение и общественная трапеза сопровождали моление при засухе или наводнении. Этот обряд – тасаттық – проводился обычно вне поселения – на берегу реки, канала или озера [15, с. 265].

Роль очага как объединяющего начала, священного символа сохранялась на протяжении веков. В конце XIX – нач. XX века в казахском обществе были сильны авторитет и власть главы семьи – отца, мужа, старших братьев. Младшие члены семьи в летнее время собирались вокруг отцовского очага, составляя один аул. Все мужчины такого аула в обеденное время собирались у отца или деда для традиционного кумысопития. Надо отметить, что в эпоху ранних кочевников огромные котлы входили в состав сопроводительного предметного комплекса так называемых «царских» погребений, в этом аспекте общественная роль культа царского очага как общего религиозного центра принимала особое значение. Местонахождение котла на общественных святилищах или у царского очага, который считался священным, говорит и о его роли как объединяющего начала. Члены коллектива спланивались вокруг очага и котла – как сакрального центра территории, с другой стороны, для закрепления новых связей внутри коллектива. Дальнейшее развитие этого содержания очага на более высоком уровне развития общества нашло выражение в святости отцовского очага. Отцовский очаг (үлкен үй) для всех отделенных сыновей считался священным [15, с. 275]. А. Галиев приводит пример с вождем туркмен Салыром, считавшимся «баба» – отцом (дед) салыров, который имел прозвище Казан. И он владел большим котлом. В этом проявляется олицетворение единства рода и семьи [16, с. 78].

О древних истоках роли казана и его глубинном архетипичном образе в культуре кочевников говорят действия, применяемые при родах, особенно трудных:

В таких случаях ставили на очаг казан и варили мясо (жарыс казан), кипятили молоко, открывали сундуки, развязывали тюки (тең) и мешки с куртмом, вскрывали

брюшины (карын) со сливочным маслом, развязывали различные узлы и т. д. Эти действия имели магический характер и были связаны с желанием окружающих, чтобы роженица разрешилась так же быстро, как сварится мясо и т. д. [15, с. 289]. Пока в казане варилось мясо, стоящие вокруг женщины повторяли слова: «Кто быстрее родит – черная женщина или черный казан?» [17, с. 65-66].

В статье «Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области», опубликованной в 1901 г. в «Тургайской газете» описывается один из способов лечения/помощи с использованием казана: «они собирают народ, который силится прогнать шайтана, для чего производят выстрелы из ружья над кибиткой, бьют по кибитке палками и нагайками, оглашая воздух криками... Обвешивают большую терновником, сажают в казан, кругом расставляют сабли, ружья и пики, неистово кричат, пугают пригоном скота к кибитке – сначала овец, затем коров и лошадей». Таким образом при трудных родах отгоняли демона [18, с. 255].

Священная роль очага и, соответственно казана/котла, прослеживается в обрядах сватовства и свадьбы. Ч.Ч. Валиханов приводит в качестве свидетельства этого обычай поклонения невесты огню в новом доме – коленопреклонение, падение ниц перед очагом «Мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью!». Женщины, нагрев ладони на огне, водят ими по лицу невесты. Почитая огонь, нельзя было плевать в него, проходить через него [19, с. 48-70].

Сохранилось свидетельство туркменской казашки о поклонении огню как символу домашнего очага, духам предков: «отрезом белой ткани обводят над домашним очагом, посвящая этот ритуал духам предков этого дома, затем разрезанные куски белой ткани раздаются близким родственникам этой семьи». Этот же обычай у каракалпаков называется «от атлау» (освящение огнем) [20].

Вообще связь домашнего очага с божеством женского рода широко прослеживается у многих тюркоязычных народов Сибири. Так, у эвенков, долган домашний очаг ассоциировался с образом женщины, его называли «матушкой». По мнению специалистов, связь Умай – покровительницы женщины – с домашним очагом ведет свое начало от этого представления [17, с. 44].

Покровительство роженицам и малым детям были основной функцией Умай, которая также охраняла очаг. Предполагается, что свои функции Умай приобретает через посредство покровительства женщинам, чья биологическая роль определяет их как рожениц, социальная – как хозяйек и хранительниц семейного очага [21, с. 112].

О том, что почитание Умай это древний культ говорит его тесная связь с культом огня, выражающаяся в олицетворении огня в образе женского божества. Культ огня может переплетаться или сливаться с культом Умай [22, с. 9-10].

У древних тюрков живой огонь олицетворялся с женским образом. В мифологии монгольских народов дух огня может выступать в женской и мужской роли. В алтайских мифах и мифологических рассказах образ огня выступает в женской ипостаси как Мать-огонь. Очаг и казан на нем, находившиеся в центре юрты, представляли собой сакральное место в жилищном пространстве, они имели статус сакрального почитаемого объекта. Существовала связь огня – символа жизни и женщины – хранительницы очага. Очаг определял статус освоенного пространства. Огонь и очаг занимали особое место в свадебных обрядах. Соответственно, горящий очаг в жилище является символом стабильности, а разрушенный таган и перевернутый котел выступают олицетворением несчастья, хаоса, смерти [23].

Отношение к очагу как к святыне наложило ряд запретов на поведение, например, существовали запреты плевать, мочиться в него, перешагивать чрез него. Отношение к очагу как к символу жизни предопределило суеверное, особое, отношение казахов к нему: избегали опасности тушить огонь в очаге, старались постоянно его поддерживать. Одно из самых тяжелых проклятий было: «Пусть погаснет огонь в твоём очаге!».

Интерес представляет предположение о том, что слово «отау» возникло в связи с обычаем брать огонь из родового очага при расселении рода. При выделении сыновей из семьи их наделяли отдельной юртой, малым казаном от большого отцовского очага. Первый огонь в молодой семье зажигали из «ломаного огня» от большой отцовской или родовой юрты (үлкен үй) [17, с. 156]. В связи с этим, традиция разбивания и переворачивания казана на святилищах и в некоторых погребениях у скифо-сакских

племен может быть связана как с угасанием царского, племенного очага, так и со стремлением зажечь новый «ломаный огонь» от/взамен угасшего большого?

Возможно, отражение пищи в казане как объединяющего начала, породняющего людей, говорит сказка «Кан-баба» [24, с. 137-143].

После слов Кан-бабы о желании быть дочерью тому, у кого нет дочери, и сыном тому, у кого нет сына, они со старухой съели вдвоем все мясо, которое было в котле. Потом вырыла яму в земле, положила Кан-бабу в яму, а сама села сверху. В целом, Кан-баба породнился с сыном старухи Батыр-каном.

Очень показательна казахская пословица «хоть с женой разведешься, но никому не давай свой казан-ошак» [17, с. 156].

Казахи оставляли в казане хотя бы ложку масла, что символизировало достаток. Сломанный казан означал вообще крах всей семьи. Поэтому казан передавался по наследству сыну, а дочери покупали новый [25].

Священным являлось все, связанное с очагом – устойчивость камней, подставленных под котел, являлась воплощением стабильности Космоса и Социума. Таким же символом устроенного бытия служил котел для варки пищи [16, с. 77].

Котел находится всегда в центре Космоса – будь то центр Скифии или столица современного Татарстана – город Казань, где его место – на стыке мужской и женской половин – в центре [16, с. 77].

Это хорошо видно по описанию посещения юрты султана Средней орды Мамета: очаг с казаном стоял в центре юрты, позади которого на персидском ковре и подушках восседал султан [26, с. 87]. Как правило, в центре юрты находился очаг с треножником-таганом, на нем стоял казан.

Связь представлений о перевернутой посуде как предзнаменовании несчастья демонстрирует обряд жертвоприношение весной у тюрков. В процессе этого акта совершающий моление бросает вверх большую деревянную чашу и по ее падению вниз присутствующие гадают. Если чаша упадет вверх дном, то в наступающем году не будет удачи, если же она упадет дном вниз — удача обеспечена [27, с. 158]. Здесь прослеживаются те же принципиальные представления, которые наблюдаются с эпохи поздней бронзы – перевернутая посуда, котел – символ смерти, неудачи и т. д.

Алтайские шаманы с помощью ритуальной чашки проводили обряд выбора жертвенного животного, угодного духам и божествам. Перед жертвоприношением приводили животное, предназначенное для жертвы, и кам со словами благопожелания ставил на спину животного пиалу и смотрел, как она упадет. Если чашка падала вниз дном, то считалось, что животное угодно духам или божеству, которому предназначалась жертва. Если чашка падала вверх дном, то предполагалось, что животное не угодно в жертву духам (божеству) и отпускалось. В.И. Вербицкий описал, как определялась угодность животного в жертву верховному божеству – Улген'у: «на спину лошади ставится чашка; лошадь подгоняют, чашка падает. Если чашка упадет вверх дном, значит лошадь в жертву не годна [28, с. 130]. Если чашка упадет вверх дном, это плохой знак: или будет покойник в юрте хозяина, или жертва не понравилась Ульгеню.

Обряд охоты на оленя у шорского шамана проходит в присутствии очага в центре и котлов с водой вокруг него [28, с. 221-222]. В этом обряде присутствуют и очаг, и котлы, где проявляется их символическая роль, - они символизируют озера, наполненные водой, живой влагой.

Перевернутый казан – символ разрухи, смерти.

В сказке «Желкілдек» дэв Телегей находит спрятавшегося под казаном Жастулека и убивает его.

В легенде: Коркут спрятался под казаном от смерти, но Бог метнул молнию и убил Коркута, пронзив казан.

В сказке «Ертөстік»: Очень не хочется Темир-хану отдавать свою дочь за сына змеиного хана Баны. Придумал он новую хитрую задачу для Ер-Гостика. Просит Темир-хан достать со дна озера потонувший котел, окружностью в сорок саженей [29].

Символика казана как мира и благополучия, а разбитого или перевернутого – смерти, несчастья, разорения отчетливо проступает в сказке «Абылай хан и его умная ханша»:

Тогда знайте, сын знаменитого Казыбек бия Бекболат сел на коня. Он дал клятву такую: если не сниму голову Аблая, не возьму в плен его жену и не разобью его

казан, пусть меня постигнет кара духа отца Казыбека. В нашем народе говорят: не стой на пути разгневанного человека. Поэтому переезжайте в другое место. Казан с полной едой оставьте здесь, на месте. Когда разъяренная толпа отведала пищу из этого казана, поостынет. Не захочет разбивать казан, из которого только что ели. И Бекболат успокоится, что достал казан. Оставьте также скот. У нас, у казахов говорят ведь, не проси совета в течение сорока дней у того, кто голодал хотя бы один день.

Насытившись, задумаются, люди умные, убедятся, что лучше худой мир, чем ссора.

Аблай послушался ханшу, оставил казан на треноге и еще триста коров, а сам откочевал на расстояние трехдневного перехода от Кокшетау.

Три тысячи человек приехали в ставку хана, но там его не застали. Бекболат опустил копьё на казан и обратился к собравшимся:

О, народ мой! Аблай человек не простой. Когда я направлялся сюда, у меня было три желания: обезглавить Аблая, забрать его ханшу и разбить его казан. Но он оставил казан на месте, значит, догадался, с какой целью я еду. Всевышний создал его лучше нас. Исполнилось мое желание. Режьте скот. Варите мясо. Направим людей, Аллах даст, помиремся, найдем, наконец, покой.

После Бекболата этот казан достался Тленши би. Сын Аблая от его жены калмычки Шама торе по старому доброму казахскому обычаю преподнесет нар, покрытый ковром Тленши бию «для упокоя души Казыбек бия» и просит казан. Некогда принадлежавший Аблай хану казан стал находиться у него» [30].

По мнению Серикбола Кондыбая, сюжет сокрытия под казаном отражает идеи катастрофы; схождения героя под землю. Казан понимался как полое пространство и обладал несколькими значениями: 1. Подземный мир; 2. Подземная страна; 3. Подземное озеро; 4. Мир мертвых; 5. Страна предков в потустороннем мире [31].

В этом плане интересной выглядит семантическая линия «курган» - «перевернутый котел».

Символическое значение разбитого или перевернутого котла усиливает цветовое звучание. В законодательном памятнике казахов «Жеті жарғы» («Семь установлений»), являвшемся выражением традиций степного права, есть закон. Согласно его, возмездие за убийство для преступника состояло из семи предметов - семи наказаний: «черный казан» — казнь убийцы; «кара нар» («черный верблюд») — преступник должен был довести тело убитого им человека до Туркестана и похоронить там, оплатив все расходы, связанные с погребением; каралы ат (черная, т. е. траурная лошадь); «черное ружье», «черный ковер» и др.

Котел – неременный, незаменимый и удобный вариант посуды в специфическом образе жизни, быте кочевника. Без него невозможно приготовление традиционных видов еды, блюд – творога, сыра, айрана [32, с. 33-35, 50]. Казаны были неотъемлемым атрибутом в жизни казаха. Вместимость казанов была различная, как и различное использование. У казахов самый большой казан называется «тайказан». Объем котла определял количество ушек для переноски (перевозки). Казан в сознании народа – символ удачи и изобилия. Об этом говорят некоторые пословицы и поговорки: «Қазанды төңкерме» (не переворачивай казан); «В этой семье казан не снимают с огня».

Обычай устраивать пышные похороны и поминки с жертвоприношением лошадей и баранов, с раздачей подарков продиктовано опасением того, что в противном случае мертвые будут недовольны, дух предка будет страдать и голодать. У казахов существует тесная взаимосвязь между почитанием предков и благополучием семьи. Одно из многочисленных свидетельств масштабных поминок с присутствием большого количества людей: «В Большой орде, севернее реки Мейке, я присутствовал на поминках, которые устраивал киргиз Ата Бек по поводу годовщины со дня смерти своего отца. Как и все такие поминки, они продолжались четыре дня. Родственники и жители ближайших аулов собираются в первый день, когда устраивают очаги, т. е. копают подряд несколько ям под костры, над которыми устанавливают котлы для варки мяса. Мы приехали вечером второго дня, когда резали скот для угощения и ставили юрты для гостей, ожидавшихся на следующий день.

Мы увидели здесь уже около ста юрт, поставленных для гостей, и четыреста-пятьсот собравшихся. Все они были заняты тем, что устанавливали юрты и забивали скот... Всего должны были забить 30 лошадей и 150 овец. Площадка для убоя была

весьма живописна. Здесь резали скот, там его свеживали или разделявали туши и складывали мясо около котлов... [32, с. 124]. Мясо лошади при похоронах и поминках степной знати варили в тау-казане – казан-гора.

О казане как символе благополучия говорят и сюжеты сказок [24, с. 88-90]. Так в сказке «Ур-топак» говорится о закоптелом котле Кок-карчига-бая. «У этого котла есть одно свойство... Это котел такой, что стоит только сказать: котел! Наполнись тем-то! И он сам наполнится такой пищей, какую ты пожелаешь». Здесь прослеживается та же символика, возможно, что и у волшебного горшочка с кашей из известной сказки братьев Grimm, отражающей тяжелые, не сытые времена и мечты народа. В то же время горшочек, подаренный старухой, интерпретируется и как функция архетипа матери. Возможно, здесь мы также наблюдаем связь очага и женщины-хранительницы.

Олицетворение котлом благополучия прослеживается в казахских сказках и легендах. Так, о Камбаре говорится: Он стрелял уток и гусей на озере и добывал куланов, горных козлов, оленей, отчего котлы его односельчан никогда не пустовали. И его земляки благодарили Аллаха за то, что он подарил им такого сына [33].

В символике металлического сосуда как символа достатка и сытости можно увидеть переключку с известными сказками многих народов, где есть не только мотив горшочка с кашей, но и скатерти-самобранки и т. п. Но котел выступал мерилom не только достатка, но и в целом определенным критерием:

Голову льва, которого одолел Қамбар сравнивают или описывают так:

Үлкендігі басының Он екі қарыс қазандай – Огромная, как 12 казанов.

Котел – символ очага, дома, семьи, достатка, единения народа. В каждом ауле имелся большой казан (тай-казан). Он предназначался для приготовления большого количества угощения во время коллективных праздников, поминок, обрядов.

Понятие «Казан» имеет и более широкое наполнение, расширяясь до масштабов мира: «Елу жылда – ел жана, жуз жылда – казан» – «За 50 лет страна обновляется до неузнаваемости, а за 100 лет – обновляется весь мир» [34].

Казан выступает зачастую мерилom не только благополучия, но и этических норм [35]. Во многих башкирских пословицах славится трудолюбие, мастерство: «Атмаган куян, асмаган казан» («Заяц не убит, котел не подвешен»). Интересная восточная пословица – «У лжеца казан не кипит» – демонстрирует удивительное пересечение с мерилom воинской храбрости и честности – чашей Нартов. Есть такая восточная пословица: «Если враг идет на тебя с камнем, иди на него с казаном плова» - видимо, также свидетельствует об объединяющем и породняющем начале очага и казана/котла.

Таким образом, мы видим, что символика котла/казана и его роль в культуре кочевников сложилась в эпоху ранних кочевников и развилась далее, усилившись в жизни казахов.

Список использованной литературы

1. Байдалы Р.Ж. Қазан ұғымының этномәдени мазмұны // Еуразия археологиясының өзекті мәселелері: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 25 жылдығына және Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 25 жылдығына арналған халықаралық ғылыми-тәжірибелік конф. матер. жинағы (18–19 қазан, 2016 ж.). – Алматы: Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2016. – 589-598-бб.
2. Геродот. История в 9 кн. Перевод и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – Кн. IV. – 600 с.
3. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 229 с.
4. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. – М.: Наука, 1989. - Кн. 2. – 492 с.
5. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
6. Кузнецова Т.М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова. – Материалы и исследования по археологии России. – М.: «Таус», 2008. – № 10. – С. 173-198.
7. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России: сб. ст. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – Вып. III. – С. 254-261.

8. Мышкин В.Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России: сб. ст. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – Вып. III. – С. 318-345.
9. Метцнер-Небельзик К. Европейская символика власти эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до новой эры. Каталог выставки. – СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. – С. 206-217.
10. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
11. Кисель В.А. Мир кочевников Евразии на фоне сакральных растений // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2009 г. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2010. – С. 229-235.
12. Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975. – 342 с.
13. Шведов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // Советская археология. – 1980. – № 2. – С. 192-202.
14. Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2012. – Т. 10 (Половецкое время). – С. 7-36.
15. Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
16. Галиев А.А. Традиционное мировоззрение казахов. – Алматы: Фонд Евразии, 1997. – 167 с.
17. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 214 с.
18. Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области // Тургайская газета. 1901. № 49. С. 255. В: Казахи. Историко-этнографическое исследование – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
19. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Собр. соч. в пяти томах. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – Т. 4. – 461 с.
20. Калшабаева Б.К., Ескекбаев Д.Б., Капарова Л.М. Особенности традиционных религиозных верований: обычаи и обряды казахской диаспоры Центральной Азии. 16 ноября 2015. URL: <https://group-global.org/ru/node/27669>. Дата обращения: 21.08.2017.
21. Тишин В.В. Некоторые заметки о служителях культов у древних тюрков VI–VIII вв. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. VI. – С. 102-119.
22. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 265-286.
23. Легенды и предания алтайцев о почитании духа огня. Наева Алевтина Ивановна // Евразийство. Философия. Культура. Экология. Электронный научный журнал. 20 июня 2011. Вып. 1. URL: <http://eurazistvo.ru/vipusk1/legendyi-i-predaniya-altaytsev-o-pochitanii-duha-ognya/> Дата обращения: 06.07.2017.
24. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (архивные материалы и публикации). – Алма-Ата: Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, 1972. – 379 с.
25. Тохтабаева Ш.Ж. Символика предметов традиционного быта казахов // Известия НАН РК. – 2014. – № 1. – С. 23-28.
26. Из журнала путешествия Христофера Барданеса в Киргизскую степь 1771 года // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. IV. – С. 80-92.
27. Вода, горы и лес по воззрению турецких племен Алтайско-Саянского нагорья // Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2012. – С. 131-188.
28. Яданова К.В. Обряд гадания по ритуальной чашке в алтайском шаманизме // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: матер. Междунар. научн. конф., посвящ. 70-летию Хакасского научно-исследовательского института

языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. – С. 129-132.

29 Ер-гостик // Казахские народные сказки. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=1&idnametext=1&idpg=1>. Дата обращения: 17.08.2017

30 Аблай хан и его умная ханша. URL: <http://m.tarih.comz.kz/wiki/178582/>. Дата обращения: 21.08.2017

31 Кондыбай С. Гиперборея: Элам. Харappa. Ч. 6. URL: http://kosmopoiskkazakhstan.blogspot.com/2012/05/6_06.html. Дата обращения 21.08.2017.

32 Радлов В.В. Тюркские степные кочевники. – Астана: «Алтын кітап», 2007. – Т. 3. – 389 с.

33 Камбар батыр // Казахские народные сказки. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=6&idnametext=37&idpg=1>. Дата обращения 21.08.2017.

34 Гельдыниязова О.А. Символика казана у туркмен. URL: <http://emirb.org/attihaliarali-filimi-tejiribelik-konferenciya-materialdari.html?page=43>. Дата обращения: 21.08.2017.

35 Башкирские пословицы и поговорки // интернет-ресурс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата обращения: 17.08.2017.

References

1. Baidaly R.Zh. Kazan ugymynyn ehtnomadeni mazmuny // Euraziya arheologiyasynyn ozekti maseleleri: Kazakstan Respublikasy Tauelsizdiginin 25 zhyldygyna zhane A.Kh. Margulan atyndagy Arkheologiya institutynyn 25 zhyldygyna arnalgan halykaralyk gylymi-tazhiribelik konf. mater. zhinagy (18–19 kazan, 2016 zh.). – Almaty: A.Kh. Margulan atyndagy Arkheologiya instituty, 2016. – 589-598-bb.

2. Gerodot. Istoriya v 9 kn. Perevod i prim. G.A. Stratanovskogo. – L.: Nauka, 1972. – Kn. IV. – 600 s.

3. Dyumezil' Zh. Skify i narty. – M.: Nauka, 1990. – 229 s.

4. Narty. Osetinskiy geroicheskiy epos v trekh knigah. – M.: Nauka, 1989. Kn. 2. – 492 s.

5. Dyumezil' Zh. Osetinskiy epos i mifologiya. – M.: Nauka, 1976. – 276 s.

6. Kuznetsova T.M. Social'nye indikatory v pogrebal'nom obryade skifov (bronzovye kotly) // Problemy sovremennoy arkheologii. Sbornik pamyati V.A. Bashilova. – Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii. – M.: «Taus», 2008. – № 10. – S. 173-198.

7. Moshkova M.G., Demidenko S.V. Voinskoe pogrebenie v kurgane 37 grupy VI Lebedevskogo mogil'nogo kompleksa // Pogrebal'nyi obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arkheologii yuga Rossii: sb. st. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YUNC RAN, 2011. – Vyp. III. – S. 254-261.

8. Myshkin V.N. Pogrebal'naya obryadnost' social'noy ehliny kochevnikov Samar-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n. eh. (k probleme formirovaniya prohorovskoy kul'tury) // Pogrebal'nyi obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arkheologii yuga Rossii: sb. st. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YUNC RAN, 2011. – Vyp. III. – S. 318-345.

9. Metcner-Nebel'zik K. Evropeyskaya simbolika vlasti ehpoli bronzy // Bronzovyy vek. Evropa bez granic. Chetvertoe-pervoe tysyacheletiya do novoy ehry. Katalog vystavki. – SPb.: Izd-vo «Chistyj list», 2013. – S. 206-217.

10. Kardini F. Istoki srednevekovogo rytsarstva. – M.: Progress, 1987. – 384 s.

11. Kisel' V.A. Mir kochevnikov Evrazii na fone sakral'nyh rasteniy // Radlovskiy sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty Muzeya antropologii i ehtnografii RAN v 2009 g. – SPb.: Muзей antropologii i ehtnografii RAN, 2010. – S. 229-235.

12. Hazanov A.M. Social'naya istoriya skifov. – M.: Nauka, 1975. – 342 s.

13. Shvetsov M.L. Kotly iz pogrebeniy srednevekovykh kochevnikov // Sovetskaya arheologiya. – 1980. – № 2. – С. 192-202.

14. Potemkina T.M. Ierarhiya poloveckoy znati (po pogrebeniyam so statusnymi predmetami) // Stepi Evropy v ehpolu srednevekov'ya. – Donetsk: DonNU, 2012. – Т. 10 (Poloveckoe vremya). – S. 7-36.

15. Kazakhi. Istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie. – Almaty: Kazakhstan, 1995. – 352 s.

16 Galiev A.A. Tradicionnoe mirovozzrenie kazakhov. – Almaty: Fond Evrazii, 1997. – 167 s.

17. Toleubaev A.T. Relikty doislamskiykh verovaniy v semeynoy obryadnosti kazakhov (XIX-nachalo XX v.). – Alma-Ata: Gylym, 1991. – 214 s.

18. Narodnye sposoby i sredstva, upotreblyаемые pri lechenii bolezney kirgizami

Turgayskoy oblasti // Turgayskaya gazeta. 1901. № 49. S. 255. V: Kazakhi. Istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie – Almaty: Kazakhstan, 1995. – 352 s.

19. Valikhanov Ch.Ch. Sledy shamanstva u kirgizov // Sobr. soch. v pyati tomah. – Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazakhskoy sovetskoj ehnciklopedii, 1985. – T. 4. – 461 s.

20. Kalshabayeva B.K., Eskekbaev D.B., Kaparova L.M. Osobennosti tradicionnyh religioznyh verovaniy: obychai i obryady kazakhskoy diaspory Central'noy Azii. 16 noyabrya 2015. URL: <https://group-global.org/ru/node/27669>. Data obrashcheniya: 21.08.2017.

21. Tishin V.V. Nekotorye zametki o sluzhityyah kul'tov u drevnih tyurkov VI–VIII vv. // Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Central'noy Azii v istoricheskoy retrospektive: sb. st. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. – Vyp. VI. – S. 102-119.

22. Potapov L.P. Umay – bozhestvo drevnih tyurkov v svete ehtnograficheskikh dannyh // Tyurkologicheskij sbornik, 1972. – M.: Nauka, 1973. – S. 265-286.

23. Legendy i predaniya altaicev o pochitanii duha ognya. Naeva Alevtina Ivanovna // Evraziystvo. Filosofiya. Kul'tura. Ekologiya. Elektronnyi nauchnyi zhurnal. 20 iyunya 2011. Vyp. 1. URL: <http://eurazistvo.ru/vipusk1/legendyi-i-predaniya-altaytsev-o-pochitanii-duha-ognya/> Data obrashcheniya: 06.07.2017.

24. Kazakhskiy fol'klor v sobranii G.N. Potanina (arkhivnye materialy i publikacii). – Alma-Ata: Institut literatury i iskusstva imeni M.O. Auehzova, 1972. – 379 s.

25. Tokhtabaeva Sh.Zh. Simvolika predmetov tradicionnogo byta kazakhov // Izvestiya NAN RK. – 2014. – № 1. – S. 23-28.

26. Iz zhurnala puteshestviya Hristofera Bardanesa v Kirgizskuyu step' 1771 goda // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikah XVI–XX vekov. Pervye istoriko-ehtnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. XVIII vek. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – T. IV. – S. 80-92.

27. Voda, gory i les po vozzreniyu turetskikh plemen Altaisko-Sayanskogo nagor'ya // Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i ehtnograficheskie materialy. – SPb.: Muzej antropologii i ehtnografii RAN, 2012. – S. 131-188.

28. Yadanova K.V. Obryad gadaniya po ritual'noy chashke v altaiskom shamanizme // Narody i kul'tury Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nyh territoriy: mater. Mezhdunar. nauchn. konf., posvyashch. 70-letiyu Hakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (24–26 sentyabrya 2014 g.). – Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014. – S. 129-132.

29. Er-tostik // Kazahskie narodnye skazki. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=1&idnametext=1&idpg=1>. Data obrashcheniya: 17.08.2017

30. Ablay khan i ego umnaya khansha. URL: <http://m.tarih.comz.kz/wiki/178582>. Data obrashcheniya: 21.08.2017

31. Kondybay S. Giperboreya: Elam. Harappa. Ch. 6. URL: http://kosmopoiskkazakhstan.blogspot.com/2012/05/6_06.html. Data obrashcheniya: 21.08.2017.

32. Radlov V.V. Tyurkskie stepnye kochevniki. – Astana: «Altyn kitap», 2007. – T. 3. – 389 s.

33. Kambay batyr // Kazahskie narodnye skazki. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=6&idnametext=37&idpg=1>. Data obrashcheniya: 21.08.2017.

34. Gel'dyniyazova O.A. Simvolika kazana u turkmen. URL: <http://emirb.org/attihaliarali-filimi-tejiribelik-konferenciya-materialdari.html?page=43>. Data obrashcheniya: 21.08.2017.

35. Bashkirskie posloviцы i pogovorki // internet-resurs. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Data obrashcheniya: 17.08.2017.

Г.С. Жұмабекова¹, Ф.А. Базарбаева¹

¹Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты
Алматы, Қазақстан

ҚАЗАҚ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ ТЕМІР ҚАЗАНДАРДЫҢ РӨЛІ

Түйін

Мақала археологиялық деректер, этнографиялық мағлұматтар мен фольклор материалдары негізінде қазанның қазақ мәдениетінде алатын рөлін зерттеуге арналған. Темір ыдыстар қазақ отбасын біріктіруші рөлін атқарған. Қазақстанда ерте темір дәуірінен мерзімделетін қазандардың басым бөлігі кездейсоқ жағдайларда табылған. Өте сирек жағдайларда қазандар жерлеу кешендерінен шыққан. Шаруашылық-мәдени типтері ұқсас келетін ерте темір, ортағасырлар, жаңа заманда қазан өте үлкен маңызға ие болды. Қазақ мәдениетінде қазанға деген киелі ұғым, түсінік топонимика мен

фольклорда жиі көрініс береді. Ұлттық мәдениетте қазанның алатын орны туралы қызықты мәліметтерді В.В. Радлов, Ш.Ш. Уәлиханов, Г.Н. Потанин сияқты көрнекті ғалымдардың зерттеулерінен кездестіре аламыз. Темір ыдыстар – «шаңырақ», «қара шаңырақ» сияқты ұғымдармен тығыз байланысты, кеңістікті игеру нышаны және үйдің киелі кіндігі ретінде қарастырылады. Қазақ фольклоры мен өзге де түркі халықтарының этнографиясында көрініс беретін қазанның рөлі және осы санаттағы заттардың ерте темірден бастап жаңа заманға дейінгі мыңжылдық арасында өзгермей сақталуы өзінің терең символикалық мәнін көрсетеді.

Түйін сөздер: қазан, ерте темір дәуірі, жаңа заман, көшпелілер, археологиялық деректер, фольклор, этнографиялық мағлұматтар, шаңырақ, қара шаңырақ.

G.S. Jumabekova¹, G.A. Bazarbayeva¹,

¹A.Kh. Margulan Archaeology Institute
Almaty, Kazakhstan

ON THE ROLE OF THE METALLIC VESSEL - CAULDRON IN THE KAZAKH CULTURE

Summary

The article is devoted to the studies of the role of the cauldron in the Kazakh culture through the prism of archaeological data, ethnographic information and folklore. The metal vessel played a unifying role. In Kazakhstan, most of the cauldrons of the early Iron Age were discovered incidentally. In rare cases, the cauldrons are identified in the funerary complexes. In the surrounding of the early Iron Age, Middle Ages, Modern Times population, united by a similar economic and cultural type, cauldrons were of great value. The attitude towards cauldrons in the Kazakh culture was reflected in toponymy, folklore. The unusual information on the role of the cauldron in the Kazakh culture was presented in the research works of a number of outstanding scientists – V.V. Radlov, Ch.Ch. Valikhanov, G.N. Potanin. The metal vessel is inextricably linked with such concepts as “hearth”, “father’s hearth”; it acted as a symbol of the conquered space, was the sacral center of the dwelling. The role of the cauldron, traced in the Kazakh folklore, as well as from the data of the ethnography of other Turkic peoples, prove the significance of this category of objects that has been preserved for thousands of years – from the era of the early Iron Age to Modern Times.

Keywords: cauldron, early Iron Age, Modern Times, nomads, Kazakhs, archaeological finds, folklore, ethnographic data, hearth, dwelling.

ӘОЖ 902.2/904

Т.Н. Лошакова¹

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

ТОҚСАНБАЙ ҚОНЫСЫНДАҒЫ ҮЙ САЛУ ДӘСТҮРЛЕРІНІҢ МӘДЕНИ ТИІСТІЛІГІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация

XX ғасырдың 90-жылдарында жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижесінде Тоқсанбай, Айтман, Манайсор I, II, III қоныстары анықталған болатын. Бұл ескерткіштерді өзіндік мәдени-шаруашылық типтері және табиғи ортаға бейімделудің айрықша нұсқасы болған халықтар қалдырған деуге негіз бар. Тастан үй салудың дамыған дәстүрлері Үстіртті қоныс етуге келген халықтардың шаруашылық дамуының жалпы деңгейіне байланысты болды. Тұрғынжайлар тікбұрыш және дөңгелек пішіндес етіліп құрлықтың саз қабатын қашау арқылы жасалды, қабырғаларының негізіне ұлутас пен әктастың шомбал кәсегі тігінен қойылып, олардың үстіне өлшемі жағынан кішірек тақтатастар көлденеңінен жатқызылды. Үйлер еденде орналасқан ошақтың көмегімен жылытылды. Қоныстың сазбалшықтан жасалған ыдыстарын неолит кезеңінің, не болмаса қола дәуірінің нақты бір ескерткішінен табылған